

**К ВОПРОСУ О СИСТЕМНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НРАВСТВЕННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ РАЗНОНАЦИОНАЛЬНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ 70-90-Х ГОДОВ XX ВЕКА**

Тангирова Гульнара Иззетовна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Чирчикского педагогического института Ташкентской области

Аннотация: В данной статье представлена техника анализа нравственно-психологических исканий разнонациональных писателей 70-90-х годов XX века с точки зрения литературной компаративистики. Определены и обоснованы базовые параметры методологии сравнительного подхода, условия и предпосылки на примере творчества русского писателя В.Распутина и узбекского прозаика Адыла Якубова. Разработанная техника может быть использована и для сравнения творчества представителей художественной словесности 70-90-х годов, которые некогда представляли особую литературную общность как советская литература

Ключевые слова: литература, компаративистика, методология сравнительного литературоведения, разнонациональные писатели, творчество В.Распутина, А. Якубова

**TO THE QUESTION OF SYSTEM-TYPOLOGICAL
COMPARATIVE STUDY OF MORAL-PSYCHOLOGICAL SEARCHES
OF DIFFERENTIAL WRITERS OF THE 70-90S OF THE XX CENTURY**

Tangirova Gulnara Izzetovna

*Lecturer at the Department of Russian Language and Literature
Chirchik Pedagogical Institute, Tashkent region*

Abstract: This article presents a technique for analyzing the moral and psychological searches of multi-ethnic writers of the 70-90s of the XX century from the point of view of literary comparative studies. The basic parameters of the methodology of the comparative approach, conditions and prerequisites have been determined and substantiated on the example of the work of the Russian writer V. Rasputin and the Uzbek prose writer Adyl Yakubov. The developed technique can also be used to compare the creativity of representatives of artistic literature of the 70-90s, who once represented a special literary community as Soviet literature

Keywords: literature, comparative studies, methodology of comparative literary criticism, multi-national writers, works of V. Rasputin, A. Yakubov

Историко-литературная эволюция художественного развития русской и узбекской прозы 70-90-х годов во многом отражает общую динамику социокультурных изменений, разграничивающих по своим основным характеристикам этапы 70-х, 80-х и 90-х годов второй половины XX века. Литературный процесс этого периода запечатлел социально-историческую реальность сосуществования русской и узбекской культур в единой системе художественно-эстетических ценностей (соц. реализм) и мировоззренческой идеи (советское государство) в 70-80-е годы и расслоение целостности социокультурного плана на самостоятельные, независимые, национальные общности русского и узбекского культурологического пространства в 90-е годы.

Таким образом, развитие двух национальных литератур в 70-90-е годы (да и всей мировой культуры в целом) имело под собой не только реальные социально-общественные основания, но и глубинные

психологические, и только их синтез определял целостный нравственный облик русской и узбекской литератур исследуемого этапа. При этом, ключевая для всей второй половины XX века тенденция углубленной психологизации текста, охватив все художественные структуры произведения, актуализировала моделирующую роль нравственно-философской идеи, подчинившей себе не только внутренний идейный пласт текста, но и формальные особенности. Форма (и жанра, и стиля, и композиции) стала предопределяться содержанием. Это стало эпохой в формировании новых эстетических закономерностей в прозе, когда, по мнению Г.Баженова, «форма прозы обновляется не специальными усилиями автора (если говорить о больших достижениях в литературе), а самим содержанием вещи... Каждая задача диктуется художнику содержанием вызревающей вещи»¹. Метафорическим обозначением «вещи» является, на наш взгляд, система нравственно-психологических концепций эпохи – социально-общественной, личностно-психологической, этико-мировоззренческой и художественно-эстетической в совокупности, и являющих собой «вещь», организующую в единый текст психологию формы и этику содержания. Семидесятые годы отмечены особым интересом к подобному решению проблемы психологизации текста, поскольку обусловлены общим стремлением литературы к открытию новой теории нравственности в призме изменившейся психологии, ставшей следствием «оттепели» 60-х годов, принесшей целый комплекс вариативных художественно-психологических эстетических образований и в плане жанра, и в отношении направлений («городская проза», «амбивалентная проза», «деревенская проза»), и в тематико-идейном комплексе.

Г.Л. Нефагина, давая характеристику 70-х годов, как следующих за 60-ми и предтечи 80-х годов, подчеркивает эстетическую значимость

¹ Цитируется по: Бондаренко В. «Московская школа» или эпоха безвременья. - М.: Столица, 1990.-С.36.

этапных традиций и их ориентированность на новое восприимчивое качество литературы: «Уже в начале 70-х годов ужесточилась цензура, и к читателю не могли попасть многие произведения, начатые на излете свободы творчества. 70-е годы стали периодом развития двух потоков литературы – официальной и «второй культуры» (самиздата). Официальная литература по-прежнему творила миф о социалистической действительности, правда, художественные рамки были значительно расширены. В литературный процесс входили «деревенская проза», «военная», «литература нравственных исканий», проза «сорокалетних» и, конечно, официозная «секретарская» проза, образующая целое русло. Писателями, существовавшими в официальной литературе, но не желавшими поддерживать идеологические мифы, вырабатывался особый художественный язык. Он мог выступать в виде «психологически заостренной» прозы, «условно-метафорической», «ситуации выбора» и т.д., в любом случае делая читателя не созерцателем, а человеком размышляющим, делающим, умеющим понимать подтекст»².

Наделение нравственно-психологического литературного подтекста восприимчивыми функциями, означающими ориентацию произведения на нравственно-психологическое мышление читателя, предполагало выработку не только нового инварианта психологической поэтики, но и изменение психологических составляющих нравственной концепции автора произведения, - он должен был учитывать и воплощать в текст трехуровневую систему нравственно-психологических исканий. Динамика разворачивания идеи и формы произведения диктовалась философскими лично-творческими установками автора, психологической логикой нравственного содержания образа героя (организующей структуру внутриличностной конфликтности или бесконфликтности),

² Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. –Минск: Экономпресс, 1998. –С.8-9.

предопределенной общей духовной сутью эпохи и психологией социально-исторического времени, восприимчивыми особенностями читателя (типологически обобщенные, массмедийные). Учет третьей формы (контекстуальной, внетекстовой) нравственно-психологических исканий ориентировал писателей на включенность в текстовое пространство национальной ментальной традиции, которая позволяла в какой-то мере предугадывать восприимчивую читательскую реакцию. В этом плане русские и узбекские писатели сделали весьма значительные успехи. Несмотря на то, что 70-е годы диктовали единую концепцию развития для всех национальных литератур, русские и узбекские прозаики в этот период углубляли традиционную составляющую своих произведений, обращаясь в призме наднациональной, общечеловеческой концепции нравственности к конкретно-национальным ее истокам. В этом плане очень показателен опыт В.Распутина и А.Якубова, тонко и глубоко осуществивших этот синтез в психологической поэтике своего творчества на уровне концептуальных структур произведений – темы, идеи, образа.

Анализируя нравственные искания в русском и узбекском литературном процессе 80-х годов, Г. Абдуллаева подчеркивает общее для двух национальных литературных систем качество – «проза второй половины 80-х годов... чаще обращается к конфликтам этическим, и это ведет к дальнейшему укреплению в ней психологизма»³.

Углубленная попытка художественного решения нравственной концепции в аспекте этической конфликтности привела к тому, что более значимой становится тенденция психологического раскрытия художественной картины мира в призме познания нравственности мира. Личность определяется степенью совпадения – несовпадения индивидуально-психологических ценностей с нравственными категориями

³ Абдуллаева Г.Ш. Нравственные искания в русской и узбекской прозе 60-80-х годов: Автореф. дисс... д-ра. филол. наук. –М., 1991. –С.10-11.

этики мира. Отсюда происходит индивидуализация проблемы нравственного выбора в прозе ряда писателей. Например, для В.Распутина и А.Якубова в 80-е годы внутренние психологические критерии нравственности человека определяются не понятиями «положительность» или «отрицательность», а способностью совпасть с нравственной идеей времени и истории. Хотя история в их прозе предстает не сама по себе, а психологически преломленной в людских судьбах и сознании героев. Отсюда и преобладание в их произведениях 80-х годов монологической формы повествования. История мира и отдельной человеческой жизни предстает как предыстория современности, нерасторжимая с настоящим и грядущим. Однако, если В.Распутин выходит к решению ключевого для истории вопроса сопряжения времен, и нравственность героя определяется исходя из духовного векового опыта, накопленного человеком за многовековую историю, то А.Якубов актуализирует настоящее и определяет нравственность героев в призме ее реалий.

Психологическую внутреннюю традицию 90-х годов во многом предопределила психология «независимости» времени постперестроечного развития социокультурологической ситуации, обособления национальных обществ. Отпавшая необходимость сопротивляться тоталитарному государству в условиях существования в нем, изменила психологию человека и психологию литературной нравственной концепции и поставила перед писателями задачу иной психологизации жизни в произведении: «После 1991 года происходит дифференциация прозы. Она разделилась не на два идеологических противопоставленных потока, как это было раньше, а на множество стилевых ручейков, жанровых образований, часть которых существует вне идеологии как феномен эстетический, как, прежде всего, словесное творчество»⁴.

⁴ Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х начала 90-х годов XX века. –Минск: Экономпресс, 1998. –С.10-11.

Деидеологизация литературы определила тенденцию смещения личностно-нравственного психологического художественного изображения действительности в сторону поисков бытийно-этических ориентиров в обретении новой нравственности в условиях национальной самостоятельности и обособленности. Поиски эти шли в русле эстетических и стилевых новаций, но с углубленной опорой на национальные традиции, как в области психологической поэтики, так и в сфере нравственных теорий. Именно в этот период русская и узбекская литература претерпевали сложный процесс одновременного сближения-расхождения – сближения в поисках некой художественной модели нравственно-психологических исканий, объясняемого сходной типологической социокультурной ситуацией 90-х годов, и расхождения в целях обретения собственно-национального пути литературного развития.

Дух нестабильности и свободы привел к некоему хаотическому состоянию внутреннего пространства национальных литератур, что породило необычайное многообразие не только в системе течений и направлений (характерное для 70-х и 80-х годов), но и в стилевом и жанровом отношении. Каждый писатель тяготеет к созданию своей оригинальной психологической поэтики, инвариантно реализующей нравственную проблему мира и человека. В.Распутин и А.Якубов обратили свое внимание в этот период на изображение современных реалий, психологически создавая ситуации нравственного выбора, способные раскрыть весь этико-психологический потенциал героя. Проза их приобрела некоторое кризисно-катарсическое качество, которое сближало нравственно-психологические концепции, выполняющие мировоззренческие функции в определении авторских исканий. Однако генеалогия этих исканий берет свое начало в 70-х годах, в традиции эстетического создания особого внутреннего психологического состояния текста, состояния, высвечивающего нравственную суть героев и мира.

Этим и противостояла проза В.Распутина и А.Якубова культуре и литературе идеологического официоза, претендующим на «правдивое отображение действительности». В этом моменте противостояния и заключается высший смысл их личностно-творческих нравственно-психологических исканий, своеобразие которых, как и типологическое родство, проявляется наиболее ярко и полно в контексте аналитического сравнения и сопоставления как в рамках единого литературного процесса 70-90-х годов, так и в контексте собственно-национального эстетического пространства.

Важность использования компаративистской методологии в исследовании нравственно-психологических исканий в разнонациональных литературных системах подчеркивает Г. Нефагина, считая, что для систематизации «необходимо время, нужна определенная дистанция, позволяющая взглянуть на литературный процесс не изнутри него, а со стороны. Ни одна из существующих концепций систематизации литературы не может в достаточной мере объяснить процессы, происходящие сегодня, но отдельные их положения дают возможность выработать принципы подхода к системно-типологическому изучению современной прозы»⁵.

На наш взгляд, системно-типологическое сравнительное исследование нравственно-психологических исканий разнонациональных писателей в призме выявления дифференцированно-индивидуальных, типологических и историко-генетических схождений и отличий поможет не только выявить концептуальные составляющие писательских систем в рамках национальных литератур, но и определить, наконец, некую идею или линию, объединяющую и синтезирующую межлитературные общности 70-90-х годов в целостное литературное пространство.

⁵ Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х начала 90-х годов XX века. –Минск: Экономпресс, 1998. –С.10-11.

Определяя в качестве методики исследования нравственно-психологических исканий В.Распутина и А.Якубова диалог двух индивидуально-художественных авторских сознаний, мы считаем целесообразным вычленив те принципы компаративистики, которые способствуют как внутреннему, так и контекстуальному аналитическому раскрытию психологических структурных составляющих, их нравственно-мировоззренческих концепций.

В поздних набросках «К методологии гуманитарных наук» (1974) М.М. Бахтин отмечал, что «... текст живёт, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий назад и вперёд, приобщающий данный текст к диалогу»⁶. Эта «точка контакта» текстов и является главным предметом сравнительно-типологического анализа.

Рассмотрев и обобщив основные принципы метода современной компаративистики, мы пришли к выводу, что для нас особую актуальность и значимость представляет исследование словацкого ученого Д. Дюришина, который в качестве классификации литературных аналогий предлагает разграничить формы межлитературного процесса на генетическо – контактные связи и типологические схождения («Теория сравнительного изучения литературы»⁷). Наряду с контактным подходом Дюришин предлагает подход типологический, который «диктуется закономерностями всеобщего порядка»⁸. Если при генетическом контактном исследовании рассматриваются различные формы литературной рецепции, то при типологическом изучаются литературные аналогии или отличия, обусловленные общественными, литературными и психологическими факторами, и согласно этому словацкий учёный делит

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. –М.: Искусство, 1986. –С.384.

⁷ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / Предисл. Ю. В. Богданова. –М.,1976.

⁸ Там же С.173.

типологические аналогии (или отличия) на общественно-типологические, литературно-типологические, психолого-типологические схождения.

Общая идейно-политическая платформа русской и узбекской литератур 70 – 90-х годов XX века создала «... предпосылки для типологических аналогий и в то же время – для небывалого усиления контактных связей. Фактор типологических схождений стал настолько интенсивным, что способствовал сходным художественным решениям на уровне литературного произведения, жанрово-видовых и даже отдельных выразительных форм художественного воплощения действительности»⁹.

В силу этого творчество В.Распутина и А.Якубова необходимо исследовать на фоне соответствующих национальных литератур, чтобы более чётко представить контактно-генетические связи и типологические схождения, учитывая при этом самобытность каждого художника.

И.А. Мирзаев, определяя основные тенденции развития современной узбекской прозы, подчеркивает, что ее сила и своеобразие заключены «в специфической обнаженности, в откровенной заявленности ее человековедческих устремлений. За героем, характерами, сюжетом ощущается авторская поглощенность самой возможностью познания человека, поисками путей и способов реализации этой возможности в художественном мире отдельного произведения»¹⁰. Таким образом, именно в 90-е годы обостряется и в русской и в узбекской литературах поиски «самостоятельных» путей познания нравственной сути человеческого бытия в реалиях новой исторической, «отделенной» друг от друга, действительности. Сравнительно-типологический анализ нравственно-психологических исканий этого катастрофического времени распада и эпохи новых надежд и новых решений в системах разнонациональных писателей позволяет наиболее полно ощутить их

⁹ Там же С.271.

¹⁰ Мирзаев И.А. Человеческий фактор и художественное мышление. Основные тенденции развития современной узбекской прозы. –Т.: Фан, 1990. –С.73.

внутреннее родство, не обозначенное внешней идеологической доминантой, а объясняемое внутренней концептуальной близостью художественного мышления и этической ориентированностью на наднациональные нравственные ценности мира.

Использованные источники:

1. Абдуллаева Г.Ш. Нравственные искания в русской и узбекской прозе 60-80-х годов: Автореф. дисс... д-ра. филол. наук. – М., 1991
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. –С.384.
3. Бондаренко В. «Московская школа» или эпоха безвременья. – М.: Столица, 1990.
4. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / Предисл. Ю. В. Богданова. – М.,1976.
5. Камилова С.Э. Современные литературоведческие концепции. – Нижний новгород, 2021. – С.6-19.
6. Мирзаев И.А. Человеческий фактор и художественное мышление. Основные тенденции развития современной узбекской прозы. – Т.: Фан, 1990.
7. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х начала 90-х годов XX века. –Минск: Экономпресс, 1998.